

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРИОРИТЕТОВ В РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЯХ

Т. А. Пивоварчик

THE DISTRIBUTION OF COMMUNICATIVE PRIORITIES IN SPEECH SITUATIONS

T. A. Pivovarchyk

Данная статья выполнена в рамках лингвопрагматического подхода и посвящена анализу иерархии коммуникативных ролей в речевых ситуациях. Коммуникативные роли являются переменными характеристиками для каждого говорящего и различаются по их приоритетности: адресант – коммуникативный приоритет 1; адресат – коммуникативный приоритет 2; третье лицо – коммуникативный приоритет 3. В грамматической категории лица такая соотнесенность приоритетов устойчива, в прагматике речевого общения подвижность ролевых приоритетов позволяет говорящему успешно решать коммуникативные задачи. В прагматической оппозиции «фон – фигура» позицию фигуры может занимать адресант, адресат или третье лицо. Распределение коммуникативных приоритетов связано со спецификой дискурсов и жанров, с типовой ориентацией речевой ситуации на того или иного участника коммуникации, с коммуникативными намерениями говорящего. В рамках общей теории лингвопрагматики исследование распределения коммуникативных ролей способствует формированию моделей коммуникативного взаимодействия и использования языка в конкретных речевых ситуациях, в рамках лингводидактики важно для развития прагматической компетентности носителей языка.

This article was completed under the pragmatic approach and is devoted to the analysis of the hierarchy of communicative roles in speech situations. Communicative roles are variable characteristics for each speaker and differ in their priority: the addresser – communication priority 1; the addressee – communication priority 2; the third person – communicative priority 3. In grammatical category of person, such a correlation priorities sustainable, in pragmatics of verbal communication mobility role of priorities enables the speaker to successfully solve communicative tasks. In pragmatic opposition "the background and the figure" position of the figure can take addresser, addressee or a third person. The distribution of communicative priorities due to the specificity of discourses and genres, to a typical orientation of a speech situation of a party to the communication, to the communicative intentions of the speaker. In the framework of the theory of pragmatic the study of the distribution of communicative roles contributes to the formation of patterns of communicative interaction and language use in particular speech situations, in the framework of didactics is important for the development of pragmatic competence of native speakers.

Ключевые слова: речевая ситуация, коммуникативная роль, адресант, адресат, третье лицо, коммуникативный приоритет, прагматика.

Keywords: speech situation, communicative role, addresser, addressee, third person, communicative priority, pragmatics.

Одной из актуальных задач современной лингвистики, в центре которой находится человек как субъект речи, является описание закономерностей речевого общения, в частности особенностей эффективного использования говорящими равноуровневых языковых единиц в разных типах коммуникативных ситуаций. Понятия коммуникативной (речевой) ситуации, коммуникативного (речевого) акта и коммуникантов как участников ситуации являются центральными в терминологическом аппарате современной лингвистической прагматики [14, с. 33]. Под речевой ситуацией понимается «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом поведении – высказывании, дискурсе» [23, с. 42]. В своем ядре речевое поведение ограничено репертуаром и рамками стереотипных речевых ситуаций, в том числе с точки зрения построения высказываний, используемых говорящими в качестве особого типа социальных действий. Как следствие, для каждой речевой ситуации имеется набор устойчивых формул речевого общения с типичной персональной структурой. Однако социокультурными конвенциями предоставляется определенная свобода действий в рамках ситуативных требований к созданию высказывания: *Я прошу тебя. – Я просил бы тебя. – Я хочу просить тебя.* –

Побеспокою тебя просьбой. – Хотелось бы просить тебя. – Беру на себя смелость просить тебя.

Коммуникация осуществляется путем постоянной смены коммуникативных ролей, являющихся переменными характеристиками для каждого говорящего и различающимися по их приоритетности [3; 7]: адресант – коммуникативный приоритет 1; адресат – коммуникативный приоритет 2; третье лица (в том числе слушатель) – коммуникативный приоритет 3. Несмотря на то, что данная схема приоритетов устойчива и верна в своём обобщённом виде, каждый новый говорящий заново распределяет приоритеты ролей внутри речевой ситуации: он может таким образом строить ситуационное взаимодействие, чтобы приоритет сохранялся у него (говорю сам, не даю вступить в разговор другим), передавался другим участникам или неучастникам ситуации (например, речевой акт вопроса предполагает ответную активную позицию адресата и занятие им роли говорящего) и т. д. Таким образом проявляется эгоцентрическая модальность самооценки, формируется оппозиция «фон – фигура» по отношению к участникам общения.

Как известно, внутренняя структура грамматической категории лица представляет собой трехчленную оппозицию 3:(1:2), немаркированным членом которой выступает форма третьего лица в связи с отсутствием

в ее семантике информации относительно участия в акте речи [5, с. 20; 21, с. 91], а маркированными – формы первого и второго лица, причем второе лицо определяется как ‘участник ситуации кроме говорящего’. Местоимению 3-го лица нередко вообще отказывали в значении ‘лицо’: «...понятие ‘лицо’ ...принадлежит корреляции *я/ты* и отсутствует в *он*» [2, с. 285]. В прагматике речевого общения за каждым из персональных значений закреплен свой круг прагматических ожиданий: с собой «автор речи» (первое лицо) потенциально связана и в определенных условиях реализуется коннотация «эгоцентризм, субъективизм», с собой «адресат речи» (второе лицо) связана коннотация «контактность, сближенность», а с собой «неучастник речи» (третье лицо) – коннотация «дистанцированность» [19, с. 60].

Благодаря подвижности ролевых приоритетов в прагматике речевого общения грамматическая оппозиция категории лица становится мобильной и может выстраиваться в речевых высказываниях по-разному. Средствами актуализации коммуникативно-ролевых приоритетов и их соотносительности становятся не только традиционные для этой функции языковые единицы и категории (персональность, посессивность, модальность и т. д.), но и переносные, нестандартные употребления лексем и грамматических форм, избыточное выражение персональных значений, сильные позиции высказывания с точки зрения расположенности компонентов и их интонационного оформления (линейно-акцентное членение высказывания) и т. д. Например, избыточные с точки зрения ситуации общения релятивные самообозначения адресанта нередко сигнализируют о нарушении адресатом правил исполнения соответствующей роли по отношению к адресанту и имеют целью призвать адресата к изменению поведения: *Ты не смеешь являться в таком виде к отцу* (‘ко мне’)! (А. П. Чехов); (жене, с упреком) *Спасибо. Подумала о муже* (‘обо мне’) (В. Шукшин). Нередко речевая ситуация представляет собой смену доминирования партнёров по общению: неоднократно на всём её протяжении или единожды – как конечный результат её развития.

Распределение коммуникативных приоритетов связано с основополагающей ориентацией каждой речевой ситуации на того или иного участника коммуникации, с тем, кто заинтересован в развитии ситуации и в её результате. «Просьба и приглашение ориентированы на интересы адресанта (я прошу – это мне нужно; я приглашаю – это мне приятно), а совет, предложение – на интересы адресата (я советую, предлагаю – это тебе нужно, полезно, приятно)» [20, с. 50]. Речевая ситуация благодарности является ситуацией с выраженным неравноправием коммуникантов, вытекающим из их предыдущего совместного опыта взаимодействия: адресант самой формулой благодарности (как самим фактом данной речевой ситуации, так и лексико-грамматическим оформлением речевой конструкции) демонстрирует собеседнику и свою зависимость от последнего, и признание авторитетности адресата в данной ситуации. Поэтому речевые формулы благодарности в повседневном общении традиционно строятся как вежливые на основе реализации семиотических оппозиций «верх – низ»,

«много – мало», в которых приоритет отдается адресату, что выражается и лексически, и грамматически: *Низкий земной поклон вам, люди в белых халатах; Выражаем искреннюю благодарность...; Позвольте поблагодарить вас...; Премного вам благодарен!; Примите от меня слова благодарности!*

Специфика большинства этикетных ситуаций проявляется в том, что в них, независимо от исходных коммуникативно-ролевых приоритетов, демонстрируется преобладание позиции адресата (это проявление категории гоноративности в ее оптимальном режиме).

Распределение коммуникативных приоритетов является одним из важнейших жанрообразующих факторов в словесности и публицистике, «определяет не только стиль конкретных текстов, но и стиль эпохи» [9, с. 315]. Адресация рассматривается сегодня как одна из ведущих характеристик того или иного дискурса или его разновидностей. Так, многие исследователи (Л. Р. Дускаева, Т. Л. Каминская, Л. В. Кудинова, Т. И. Стеклова и др.) отмечают, что в современных медиатекстах расширяется коммуникативное пространство адресата, фигура адресата выдвигается на первый план. В то же время коммуникация в новых медиа (социальных сетях, блогах и т. д.) ориентирована прежде всего на адресанта и его самовыражение.

Рассмотрим коммуникативно-ролевую соотносительность участников речевой ситуации, исходя из предположения, что коммуникативные роли являются базовыми признаками, определяющими соотносительность участников речевого процесса, хотя взаимоотношения собеседников строятся на сложном пересечении их коммуникативных ролей с актуализируемыми в речевой ситуации вторичными коммуникативными ролями, социальными, функциональными, ситуационными ролями и т. д. Например, адресат может быть намеренно эксплицирован в формулах не только как второй субъект коммуникации, но и как исполнитель социальной или ситуационной роли, как объект эмоционально-оценочного отношения адресанта, как лицо, включаемое в личную сферу адресанта или исключаемое из нее.

Обозначение коммуникативной позиции говорящего термином **адресант** подчеркивает неабсолютность этой позиции и в коммуникативной структуре высказывания, и во фреймовой структуре речевой ситуации, а также обусловленность этой позиции фактором адресата: адресант – тот, кто взаимодействует с адресатом; адресат – тот, на чье взаимодействие рассчитывает адресант. «Я порождается общением с Ты (Я для другого). <...> Ты выступает тем зеркалом, в которое смотрится пред-Я, чтобы самоидентифицироваться... и стать Я. <...> Лишь Ты, такое же и в то же время другое, отличное, может служить необходимым образцом, точкой сравнения – отождествления и отталкивания одновременно» [10, с. 150 – 151].

Всякий отсчет в речевой ситуации идет от «я» адресанта: именно он задает стратегию общения, специфика которой находит свое выражение в системе внеличностных (на действительность, на пропозициональное содержание, на языковые средства) и межличностных (на самого себя, адресата и третьих лиц) установок [4, с. 34]. Мнения исследователей по поводу абсолютности коммуникативного приоритета адре-

санта категоричны: «Всякая речь есть речь говорящего и действием она является только в момент говорения и может быть действием только говорящего» [15, с. 621]; «Локализация события в рамках высказывания осуществляется прежде всего применительно к точке зрения говорящего, т. е. субъекта коммуникации. Такая «замкнутость на себе» вполне оправдана общим эгоцентрическим устройством языка» [16, с. 205]. С координаты «я» начинаются оси взаимоотношений коммуникантов и оси формирования прагматических смыслов высказывания «я – ты», «я – не-я», «я – третье лицо», «я – слушатель», «я – все другие», «я – я».

Получая абсолютный приоритет в иерархии коммуникативных ролей, адресант может использовать и специальные языковые средства, чтобы «скорректировать» эту изначальную иерархию: понизить свой статус «первого коммуникативного лица» в пользу адресата или третьих лиц, уравнивать его со статусами других участников ситуации или, наоборот, укрепить свою позицию. В высказывании «*Прошу у тебя прощения*» глагольная форма 1 лица сосредоточивает внимание на ситуационном действии говорящего, в фразе «*Прости меня*» сделан акцент на ожидаемом действии адресата. В результате транспозиции формы 1 лица единственного числа глагола-перформатива в форму третьего лица множественного числа возникает ситуативное отождествление адресанта с авторитетной частью социума, в результате статус говорящего укрепляется, повышаются категоричность и официальность, снижается степень вежливости: *Вас просят покинуть зал; Тебя предупреджали!*

Важной составной частью речевого общения является ситуационное самопредставление (самопрезентация, самопредъявление) адресанта. Свой речевой образ в соответствии с речевой ситуацией адресант создает с опорой на перцептивно-оценочную деятельность других субъектов: «я-для-себя», «я-для-других», «я-для-тебя», «я-для-того другого», «я-для-всех других» и т. д. «Выразить самого себя – это значит сделать себя объектом для другого...» [1, с. 289]. В социальной психологии уже давно было замечено, что «у человека столько социальных личностей, сколько индивидов признают в нем личность и имеют о ней представление. <...> Мы выставляем себя в совершенно ином свете перед нашими детьми, нежели перед клубными товарищами; мы держим себя иначе перед нашими постоянными покупателями, чем перед нашими работниками; мы – нечто совершенно другое по отношению к нашим близким друзьям, чем по отношению к нашим хозяевам и нашему начальству» [6, с. 24].

«Социальные и психологические параметры конкретного говорящего могут отражаться в его речи вполне сознательно и намеренно: говорящий осознанно ориентирует свое вербальное поведение на конкретного слушающего, чтобы создать у последнего определенное представление об авторе речи» [12, с. 223]. Поскольку обычно нет необходимости в описательном представлении адресанта, так как его статус, роль ясны собеседнику из самой ситуации, то актуализация этого смыслового компонента в содержании высказывания делает его прагматически значимым. При адресантной референции существительных в речевом высказывании актуализируется оце-

ночно-нормативный компонент их семантики, отражающий представления о социальной значимости той или иной роли, того или иного класса лиц, социальные прескрипции, а также ассоциативный компонент, свидетельствующий о наличии некоторых культурно-идеологических ассоциаций, связанных с той или иной ролью: *Вы послушайте меня, Иван Иванович, что вам я, старик, скажу: вы, батюшка, не дельно вести себя стали* (В. М. Гаршин); – *Эй, ты, – заорал он на лейтенанта, – пооди сюда! Тебе майор говорит!* (К. Симонов).

Этические и этикетные нормы социума обычно требуют минимального «выпячивания» говорящим своего «я», приуменьшения зоны своего влияния в речевом пространстве в пользу адресата, а в ряде случаев и в пользу третьих лиц. Например, носителю русского языка обозначение «собственной персоны говорящего в высказывании представляется <...> делом, требующим особой дипломатичности, и язык разработал способы дипломатического представления субъекта» [24, с. 193]. Так, речевые акты предложения чаще всего начинаются с обращений к адресату как протагонисту речевой ситуации, подчеркивающих, что развитие ситуации и дальнейшие действия адресанта в значительной степени зависят от желания адресата, благодаря чему фактор адресанта в речевой ситуации ослабевает: *Аким, дай я тебя подстригу* (В. Астафьев); *Хочешь, я наряжу тебе елочку?* (В. Шукшин); *Может, я пойду куплю четверинку?* (В. Шукшин). Сравните также следующие высказывания пожелания с точки зрения местоименно-актантной выраженности адресанта и постепенного понижения его коммуникативного ранга в ситуации: *Я желаю Вам успеха; Мне хочется пожелать Вам успеха; Позвольте мне пожелать Вам успеха; Примите от меня пожелания успеха; Пусть вам сопутствует успех.*

Адресат – это «участник речевого акта, которому говорящим отводится роль респондента осуществляемой говорящим иллюкуции» [13, с. 21], то есть тот, от кого ожидается перлокутивная реакция. В высказывании мы видим адресата сквозь призму субъективного взгляда адресанта – «отраженного» адресата: речевой образ адресата на уровне высказывания – это не копия реального адресата, а отражение межличностной установки адресанта на того, кто должен стать его собеседником, его представление об адресате, оценка им тех характеристик адресата, которые важны для регулирования отношений в рамках данной речевой ситуации.

Формирует высказывание и задаёт этим высказыванием некоторую речевую ситуацию адресант, но только в ориентации на адресата, и то, что говорящий выбрал некое лицо в качестве адресата своих речевых действий, не разделяет их, а наоборот объединяет и уравнивает как активных участников ситуации. Практически всегда предполагается, что произойдёт мена ролей, то есть адресант изначально прогнозирует для себя роль адресата. С другой стороны аксиоматична мысль о том, что не существует акоммуникативных высказываний, адресатом может быть – при отсутствии других лиц – и сам говорящий, его «второе я».

Адресатоцентричность речевого высказывания формируется, во-первых, высокой частотностью использования местоимений 2-го лица, их пре- или постпозицией по отношению к глаголу, предпочтением тех или иных предложно-падежных форм со значением адресативности, а во-вторых, переключением внимания на адресата с помощью адресативных предикатов. Так, в речевых формулах просьбы постпозиция местоимения (*Отпусти ты меня!*) создает просьбу-убеждение, уговор, наиболее вероятное продолжение которой – аргументы типа ‘ведь для тебя это не составит труда, ведь ты можешь это сделать’ (т. е. акцент на действие и его модальные характеристики). Препозиция местоимения (*Ты отпусти меня!*) вносит оттенок экспрессивной мольбы (значимы и регулярно сопутствующие местоимению частицы); такая формула предупреждается подробными объяснениями, описанием ситуации, а ее типичное распространение – обещание благодарности (акцент на позитивную оценку личности адресата: ‘я уверен в тебе, поэтому ожидаю от тебя...’).

Одновременно с обозначением адресата говорящий может актуализировать разные оси взаимодействия и оценок: «ты – я», «ты – мы», «ты – он», «ты – они», «ты – все», поэтому речевой образ адресата может приобретать в высказывании разный фокус: «ты для меня», «ты для нас», «ты для него», «ты в глазах общества» и т. д. Кроме того, при прогнозировании речевого образа адресата адресант актуализирует какой-то один параметр адресата, например, если апеллирует к адресату как к субъекту мнения, то соответственно «предлагает» ему роли эксперта, оппонента, комментатора и т. п., если обращается к адресату как носителю социального статуса (роли, позиции), то прогнозирует роли «низшего», «высшего», «равного»; если говорит с адресатом как носителем личностных черт, то соответственно рассчитывает на важные для него в данном случае свойства адресата и «вынуждает» их проявиться и т. д. Иначе говоря, говорящий «примеряет» свое речевое поведение к параметрам адресата.

Третье лицо в прагматической парадигме имеет иной статус, нежели в парадигме грамматической: «только с позиций прагматики можно говорить о том, что «он» и «она» перерастают из статуса третьего грамматического лица в статус лица как личности и как «я». Фактор третьих лиц проявляется в речевых высказываниях эксплицитно – особым использованием лексем и грамматических единиц с указанием на «неучастников» речевой ситуации, а также имплицитно – в коннотативном компоненте лексем, отсылающем к социально одобряемым нормам: *А вот мудрые люди говорят, что у любой веревочки конец есть; На миру и смерть красна; Опять заживем, как было. Всё своим порядком, как у людей... по-христиански* (А. П. Чехов); *Сам я не видал его пьяного, не стану врать, но люди сказывали. И люди-то его пьяным видали, а слава такая про него ходит* (А. П. Чехов); *Люди дождутся воскресенья-то да отдыхают культурно. А этот – нервничает, видите ли* (В. Шукшин); *Любит... Ну и люби на здоровье, но зачем же людей-то мешить?* (В. Шукшин); *Ты тут брешешь что попало, а по селу слава пойдет* (И. А. Бунин).

Это полноправие третьего лица в дискурсе о личностях подтверждается той ролью, которая почти всегда отводится в эпической литературе фигуре «протагониста» [18, с. 42 – 43]. Для взаимопонимания собеседников часто бывает важно «прочитать» это третье мнение, соотнести его с мнением каждого из участников речевой ситуации и определить цели включения еще одного (стороннего) голоса в общение.

Отсылка к мнению третьего лица и оглядка на третье лицо при определенных ситуационных условиях становятся прагматическим фактором, с одной стороны, обеспечивающим «заполненность» некоторых слотов во фреймовой структуре речевой ситуации, а с другой – выстраивающим определенный тип соотношенности коммуникантов, так как «постоянная ориентация субъекта на реально присутствующее или идеально представленное лицо, несущее в себе функцию контроля, не просто сопутствует или аккомпанирует действию человека. Она активно включается в систему отношений личности к выполняемой деятельности и опосредует ее течение» [17, с. 291]. При обращении к третьим лицам меняется соотношенность адресанта и адресата; она выстраивается уже не только в рамках «я для тебя», «ты для меня», но и «я для третьих», «ты для третьих» и т. д., то есть совмещается большее количество индивидуальных «возможных миров», картина мира в речевой ситуации становится богаче. Таким образом, адресант задействует фактор третьих лиц с целью соответствующего его интенции (то есть успешного с его точки зрения) развития ситуации.

В структуре речевых ситуаций фактор третьего лица имеет разную значимость. Так, по замечанию И. В. Труфановой, обязательным участником канонической речевой ситуации комиссива является не адресат, а наблюдатель: «речевые акты пари, торжественного обещания, присяги производятся обязательно в присутствии третьих лиц – наблюдателей» [22, с. 16].

Поскольку в речевых формулах типична ориентация на одного из действительных участников ситуации – адресанта или адресата, то постановка в центр внимания третьего лица всегда коммуникативно и прагматически значима. Высказывание может быть сфокусировано говорящим на третье лицо смысловым наполнением как диктумной, так и модусной частей. Такие речевые акты, в вершине которых – третье лицо, являющееся точкой отсчета в регулировании взаимоотношений говорящих, главной координатой в ценностной парадигме ситуации, представляют особый интерес для лингвопрагматики. Показателен сам факт предпочтения среди вариантных стереотипных высказываний формулы с реализованным фактором третьего лица. Ср.: (1) *Сам Бог видит, что неоткуда взять! – Неоткуда мне деньги взять!*; (2) *Всякий заметил, что Арбенин в тебя влюблен* (М. Ю. Лермонтов) – *Арбенин в тебя влюблен!*; (3) *Вещи вы, конечно, не убрали... Ну да Бог вам судья* (К. Паустовский) – *Вещи вы, конечно, не убрали... Ну да прощаю вас*; (4) *У ангела бы не хватило терпения, согласитесь* (А. П. Чехов) – *У меня не хватает терпения*.

В каждой приведенной выше паре в первом высказывании эксплицитно назван модус третьих лиц, а во втором – эксплицитно (*Ну да прощаю вас*) или им-

плицитно (ср.: *Неоткуда мне деньги взять! – Я тебе клянусь, что неоткуда мне деньги взять!*; *Арбенин в тебя влюблен!* – *Я считаю, что Арбенин в тебя влюблен!* и т. д.) присутствует модус адресанта. Первые высказывания в парах отличаются большей экспрессивностью, «гипертрофированным» видением ситуации, настойчивостью и некомпромиссностью адресанта в выражении своего мнения и т. д.

Как прагматически релевантный компонент высказывания, шире – текста, фактор третьих лиц может быть обнаружен в самых разных дискурсах и дискурсных жанрах, в которых он выполняет не идентичные функции. Все тексты в средствах массовой информации, независимо от их внешней, формальной коммуникативно-ролевой структуры, рассчитаны на восприятие их третьими лицами (А. А. Зализняк называет эту фигуру «косвенным адресатом» [8, с. 24]). Публикуемые в газетах диалоги-интервью, поздравления близким людям, соболезнования ставят себе целью как минимум информирование третьих лиц (читателей газеты) о некоторых фактах в жизни адресата и об отношении адресанта к адресату и описываемым фактам. Показательно следующее замечание А. А. Кибрика об интервью: «Кардинальная особенность интервью – ингерентное наличие третьего участника – Аудитории. Аудитория физически не присутствует при взятии интервью, однако ее существование с необходимостью учитывается и Интервьюером, и Респондентом, если они хотят успеха своей коммуникации. Что касается Интервьюера, то он в своем поведении моделирует усредненный интерес Аудитории. Респондент также должен ориентироваться в своих репликах на Аудиторию...» [11, с. 62].

В дискурсе районной прессы, в отличие от дискурса повседневности, информативная функция благодарности («сообщить о поступке адресата, заслужившем благодарность») становится более значимой,

чем фатическая («поддержать социальный контакт в определенной тональности»), что противоречит исходной «предназначенности» данного жанра в системе речевого этикета. В газетах тексты-благодарности прежде всего необходимы для информирования широкой читательской аудитории о ситуации, и уже один только факт сообщения в СМИ выполняет «наградную» функцию для того частного или юридического лица, о котором пишется в тексте: подразумевается, что местное сообщество одобряет подобную модель поведения и как бы легитимирует ее: *Хочется поблагодарить администрацию Березиковской школы за <...> душевное радушие и гостеприимство* (Тогучинская газета. 16.05.2012). Можно в некотором смысле утверждать, что по своей аксиологической нагруженности малый жанр благодарности в современной прессе сродни портретному очерку прежних лет, только представляет его свернутый вариант.

Таким образом, если в грамматической категории лица такая соотношенность приоритетов устойчива, то в прагматике речевого общения подвижность ролевых приоритетов позволяет говорящему успешно решать коммуникативные задачи. В прагматической оппозиции «фон – фигура» позицию фигуры может занимать адресант, адресат или третье лицо. Распределение коммуникативных приоритетов связано со спецификой дискурсов и жанров, с типовой ориентацией речевой ситуации на того или иного участника коммуникации, с коммуникативными намерениями говорящего. В рамках общей теории лингвопрагматики исследование распределения коммуникативных ролей способствует формированию моделей коммуникативного взаимодействия и использования языка в конкретных речевых ситуациях, в рамках лингводидактики важно для развития прагматической компетентности носителей языка.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика [пер. с фр.] / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
3. Богданов В. В. Коммуниканты // Человек и речевая деятельность. Вестник Харьковского университета. Х.: ХГУ, 1989. № 339. С. 7 – 10.
4. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты: уч. пос. Л.: ЛГУ, 1990. 88 с.
5. Бондарко А. В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 5 – 40.
6. Джеймс У. Личность // Психология личности. Т. 1: Хрестоматия. Самара: БАХРАХ, 1999. С. 20 – 39.
7. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Гос. уч.-метод. центра «Колледж», 1999. С. 7 – 13.
8. Зализняк А. А. Второе лицо: семантика, грамматика, нарратология // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 24 – 40.
9. Каминская Т. Л. Автор и адресат в современных медиатекстах // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2008. Вып. 2. Ч. II. С. 314 – 319.
10. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петерб. востоковедение», 1996. 288 с.
11. Кибрик А. А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога // Вопросы языкознания. 1991. № 1. С. 61 – 68.
12. Киуру К. В. Экспликация социальных характеристик говорящего в образе автора (на примере жанров в речевом поведении референта) // Язык и социум: материалы III Междунар. науч. конф. Минск: БГУ, 2000. С. 223 – 224.
13. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: эгоцентричность, дейктичность, индексальность. Иркутск, 1992. 217 с.
14. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 152 с.
15. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.

16. Норман Б. Ю. Лицо и другие грамматические категории глагола // Personalität und Person / Unter Mitarbeit von Sabine Donninghaus. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. P. 203 – 233.
17. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д.: Феникс, 1996. 512 с.
18. Рикёр П. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 41 – 50.
19. Рымарь Н. Б. Коннотативная нагруженность транспозиций внутри отряда немецких личных местоимений // Семантика на разных языковых уровнях: Межвуз. сб. науч. тр. Рига, 1979. С. 60 – 85.
20. Савчук Т. Н. Речевой этикет в русских и белорусских народных сказках. Минск, 1995. 137 с.
21. Сянкевіч В. І. Семантыка і прагматыка беларускай мовы. Брэст, 1995. 214 с.
22. Труфанова И. В. Прагматика несобственно-прямой речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 41 с.
23. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.
24. Шмелева Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 168 – 202.

Информация об авторе:

Пивоварчик Тамара Анатольевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой журналистики Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, t.pivovarchik@grsu.by.

Tamara A. Pivovarchyk – Candidate of Philology, Chair of the Department of Journalism at The Yanka Kupala State University of Grodno.

Статья поступила в редколлегию 06.08.2015 г.